

жения. Результаты рассматриваются как отдельные лексические единицы. Итоги работы отражены в статье С.Ю. Аддиванкина и Н.П. Потаповой «К вопросу о лексико-семантическом статусе предикативных несогласуемых глагольных словоформ на -НО, -ТО» (Пермь, 1979).

Уже будучи больным, едва успев выйти в очередной раз из больницы, Соломон Юрьевич каким-то чудом находил в себе силы, чтобы продолжать редактирование Акчимского словаря. И даже работу с гранками первого тома словаря он считал своей обязанностью. Такое не забывается.

А. Кузнецова

Поле его притяжения

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.*

Как-то, находясь в Москве, Соломон Юрьевич пришел ко мне домой в тот момент, когда я готовилась к лекциям. Он попросил показать ему мою «кухню», признавшись, что его всегда интересовало, как работает преподаватель-профессионал.

Готовые к публикации лекции, а тем более опубликованные учебные пособия, сделанные на базе лекций, – далеко не то же самое, что отдельные наброски к лекции, ее планы, тезисы, иллюстративный материал и т. п., то есть то, что может быть названо «кухней» лектора; тем не менее и по изданным учебникам можно судить не только о самих лекциях, но и

о подготовительном этапе труда вузовского преподавателя.

Учебные пособия Адливанкина дают четкое представление о высокой требовательности (прежде всего – к самому себе) С.Ю., о желании его научить студентов работать самостоятельно. Вот, например, его статья методического характера о фонетике в высшей школе (Ученые записки ПГУ. Пермь, 1962. Т. XXII, вып. 1), где автор касается вопросов использования средств наглядности в учебной литературе по славяно-русскому языкознанию. По мнению С.Ю., «наглядность в характеристике конкретных деталей фонетического процесса, соотнесенности звуков и т. п. вооружает студентов навыками доказательного анализа, пониманием внутренней обусловленности фонетических явлений». С.Ю. выступает против такого наглядного материала, который имеет «узкую иллюстративную целенаправленность, мало способствует развитию навыков лингвистического анализа и необходимому обобщению, определенной систематизации изучаемых фактов».

А вот в его прекрасной книге «Краткий очерк истории праславянской фонетики» (Пермь, 1971), получившей высокую оценку С.Б. Берштейна (устный отзыв), последовательно соблюдается хронологический принцип праславянской фонетической эволюции (именно эволюции языка, на чем настаивал автор, а не перечня разрозненных фактов!). Принцип последовательной историчности, по словам С.Ю., неотделим от вопроса языковых изменений, поскольку «именно в причинах конкретных исторических изменений заключена суть эволюционного процесса: конкретные изменения являются лишь формой воплощения созревшей в языке тенденции, закономерности, необходимости».

Хотя из соображений методического характера в объяснении фактов допускаются известного рода упрощения, книга написана с сознательной ориентацией на уровень сильных студентов и содержит некоторые принципиально новые научные положения. Как пишет С.Ю. в преамбуле к учебнику, «автор не ставил перед собой задачи охватить все или хотя бы особенно широко известные научные гипотезы, касающиеся определенных языковых фактов, и ограничился изложением того, что, по его мнению, наиболее аргументировано; в ряде же случаев предлагается и новое понимание некоторых явлений и процессов». «Краткий очерк истории праславянской фонетики», скромно квалифицируемый как учебное пособие для студентов заочного отделения, перешагнул границы отведенного ему автором места в учебном процессе в вузовской практике: им широко пользуются, например, студенты-очники филологического факультета МГУ.

Соломон Юрьевич – педагог по призванию, что называется, от Бога. Его интересовало, как лучше подать материал на лекции, о чем он любил говорить, спорить, спрашивать; он беспокоился, удастся ли достаточно хорошо подготовить студентов к диалектологической экспедиции, чтобы полевая работа была максимально продуктивна; любил обсуждать темы курсовых и дипломных сочинений; с любопытством наблюдал (во время прохождения стажировки в МГУ), как я консультировала своих студентов, сравнивал, сопоставлял. И одновременно – удивительно умел слушать.

К своим трудам он относился как к тому, что может и должно быть улучшено, и дарил книги и статьи с обязательной просьбой – высказать ему критические замечания, с которыми потом либо соглашался,

либо начинал азартно спорить. Дарственные надписи, часто замысловатые и изысканные, нередко отражали это желание автора узнать мнение читателя о его работе.

Автографы С.Ю. необычайно интересны сами по себе. Он писал их не казенно, не «под копирку», а глубоко эмоционально и продуманно, подходил к ним творчески, как и ко всему, что он делал. Так, на книге «История праславянской фонетики (ранний период)», созданной в соавторстве с И.А.Фроловой, С.Ю. написал мне: «В этой книге явно недостает Ариадниной нити. Но если прочтешь, ты все поймешь: я не так еще сыграл бы, жаль, что лучше не могу. С трепетом. СА.». (Точки между С и А никогда не ставил.)

А на «Истории праславянской фонетики (поздний период)» – подпись-аллюзия: «Хотя и в забавной одежке, но это снова я. Не отринь. СА.». С теми же мыслями, но по-иному выраженными, С.Ю. подарил оба выпуска «Истории праславянской фонетики» Б.С. Шварцкопфу и М.Н. Преображенской, с согласия которых я воспроизвожу его автографы: «Понимая, как это несовершенно и недостойно тебя, приношу все же к твоим стопам, Машенька. СА.». И на другой: «Таким же точно образом. СА». Последняя надпись, по признанию Марии Никандровны, поставила ее в первый момент в тупик. Между тем здесь высказана та же мысль, что и в автографе на книге, подаренной мне: надпись намекает на предыдущую работу по праславянской фонетике 1971 года.

В своих автографах С.Ю., романтик, вкладывающий частицу своей души в дарственные надписи, предназначенные друзьям, проявлял большую изобретательность, как будто следуя собственному принципу «иллюстративной наглядности». Например, «Крат-

кий очерк истории праславянской фонетики» надписан так:

*Ариадне Ивановне Кузнецовой
с любовью и трепетом.*

Бедный автор...

Так же С.Ю. подписывал и конверты, ревниво спрашивая при редких наших встречах в Москве или каком-нибудь другом городе на конференции, заметила ли я его «уголок» с отчеством, обратила ли внимание на то, как он подписывает адрес. Для него все мелочи, детали были важны, существенны. Воистину – всесильный Бог деталей... Не случайно в статье «Вокализм группы южнорусских говоров на севере Романовского района Саратовской области» есть главка «Мелкие детали вокализма говоров».

Немалое значение С.Ю. придавал расположению автографа в даримой книге. В сборнике текстов на старославянском языке (Пермь, 1966) надпись идет лесенкой и содержит аллюзию на места наших встреч, начиная с города, где меня с С.Ю. познакомил Б. Шварцкопф:

*А. К.
Самарканд –
Москва –
Пермь – ... СА.*

Хитроумно выглядит автограф на одной из книг, подаренных Б.С. Шварцкопфу и М.Н. Преображенской:

*Дорогим Маше
и Боре
на двоих –
равнолюбимым СА.*

Или надпись на книге Б.С. Шварцкопфу:

*Юноше
Б. Шварцкопфу –
ифлийцу и
критику всякой
речи –
тоже ифлиец,
но уже перешагнувший
через «50»,
Май 72. СА.*

Нестандартность, личностность, бросающиеся в глаза в автографах С.Ю., характерны для его статей (правда, присутствуют там в более завуалированном виде), написанных хорошим литературным слогом.

С.Ю. никогда ничего не принимал на веру. Для него типично было движение против течения в ряде областей, которыми он занимался, особенно в словообразовании. Внимательное, неспешное (как и само изложение автором своих мыслей), затягивающее неожиданными прозрениями чтение работ С.Ю. позволяет заглянуть в «кухню» автора, понять, откуда есть пошла и стала есть та или иная статья. Обычно С.Ю., критически и внимательно изучая статьи разных авторов на одну тему, сопоставлял их, находил нередко диаметрально противоположные точки зрения и задумывался: каким образом получен тот или иной вывод? У кого и каких аргументов больше? Есть ли (и какие) внутренние противоречия в каждой из статей? и т. д. Из подобных сомнений, размышлений рождались вопросы: кто же прав и нет ли третьего решения?

Именно так возникла статья «Из истории прилагательных подобия в русском языке» (Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974). В ней автор обращается к эксперименту в целях нахождения в лек-

сической сфере объяснения «параллельного функционирования принципиально однозначных словопроектных моделей». Так же, с отталкивания от чужих голословных утверждений, начинается заметка (как назвал сам свою статью С.Ю. Адливанкин) «К вопросу о явлении заимствования в области словообразования» (Ученые записки ПГУ. Пермь, 1965. Т. 137, вып. 1), в которой автор отвечает на вопрос, можно ли говорить о заимствовании словообразующих элементов (формантов), привлекая для решения этой спорной проблемы дополнительные конкретные языковые факты.

Умение критически оценить сделанное другими, обратиться к поискам новых доказательств, скрупулезно проанализировать их «и “поднять” факты на уровень теоретического осмысления» отмечают в своей статье Л.Н. Мурзин, Н.П. Потапова, Ф.Л. Скитова («Вопросы истории языка и деривации в работах С.Ю. Адливанкина» // Деривация и история языка. Пермь, 1987). Эти лингвисты работали бок о бок с С.Ю. много лет и хорошо знали его самого и методы его работы, ценили его как человека, научного работника, профессионала-преподавателя.

Соломон Юрьевич Адливанкин создал вокруг себя особое поле притяжения, которое нельзя было не почувствовать с первой же минуты общения с ним.

Р. Комина

Не персонаж для мемуаров

Будет странно, если из нашей уже немалой генерации пермских прозаиков никто не напишет романа об университете, где бы среди самых заметных геро-